

Шахматные мотивы в произведениях Владимира Набокова

КЭНСИН МАЦУМОТО

The Motifs of Chess in the Works of Vladimir Nabokov

Kenshin Matsumoto

Abstract

It is widely known that Vladimir Vladimirovich Nabokov (1899–1977) was highly passionate about chess and that this level of passion was on a par with his interest in collecting butterflies. For Nabokov, chess was not a mere hobby; rather, chess was reflected to a rather considerable degree in his creative activities and was the object of serious interest on his part. In numerous novels written by Nabokov — for example, in such works as *“King, Queen, Knave”*, *“The Gift”*, *“The Real Life of Sebastian Knight”*, *“Lolita”* and *“Pnin”* — characters that make references to chess are depicted in a highly impressionistic manner. In particular, *“The Luzhin Defense”* (1930), which deals with the tragedy of chess grandmaster Aleksandr Luzhin, can be described not simply as an earlier masterpiece by Nabokov but as one that is particularly worthy of special mention even when compared to the many other novels concerning chess that exist in European literature in that this work was the first in which chess was infused as a theme throughout an entire novel.

Having been exiled to Berlin after the Russian Revolution, Nabokov released many works, primarily poems and short stories, under the pen name V. Sirin. Yet, *“Three Chess Sonnets”* and *“Chess Knight”*, two poems that he wrote whose themes were directly tied to chess, were produced in the 1920s. As part of this paper, I undertook a detailed analysis of the former in terms of its formal structure, verse and rhythm. In addition, while François-André Philidor, who is mentioned by Nabokov in

this poem, is the most dominant chess player of the second half of the eighteenth century as well as the originator of French comic opera, I also sought to ascertain where Nabokov's interest lay by studying records of actual games of chess that were played by Philidor.

By its nature, the game of chess combines a sports-like competitive aspect by which players confront each other in a battle of skill and technique with a mathematical, intellectually informed aspect by which each side pursues the best moves to use during difficult phases of the game. For Nabokov, however, chess constituted an art that belonged to the same category as music, such that he believed that it should be a thing of beauty. Although Nabokov likened chess to music in his own works from time to time, his use of musical metaphors was notably established as a type of literary technique in "*The Luzhin Defense*".

In 1970, Nabokov released a highly unique compilation of his works entitled "*Poems and Problems*", which brought together fifty-three representative poems written by him in the period between 1917 and 1967 and eighteen chess problems that Nabokov himself composed. While the first problem presented in this compilation asks how White can checkmate Black's King in two moves, I have pointed out in this paper that there in fact exists an alternative solution. However, the alternative solution I discovered would produce a mate in three moves, and as the number of moves specified in chess problems is an absolute condition, my solution does not diminish the value of this problem in the least. In addition, the eighteenth problem, which has White taking back its last move and attempting to checkmate Black's King in a single move, belongs to the genre known as retrograde analysis. The arrangement of the pieces suggests the mimicry of butterflies and the twin passions of chess and butterflies that are beloved by Nabokov are beautifully merged together and expressed on the chessboard. In "*The Luzhin Defense*", this retrograde analysis is utilized as a type of literary technique. I analyzed a specific example thereof and included it in this paper.

I

Нам всем известно, что Владимир Владимирович Набоков увлекался шахматами. Для Набокова шахматы — это не просто

хобби, а серьезное занятие, глубоко связанное с его литературным творчеством. Нетрудно перечислить его произведения, где найдутся персонажи, играющие в шахматы. Например, «Король, дама, валет» (1928), «Дар» (1937), «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (1941), «Лолита» (1953), «Пнин» (1955) и т. д.

Нельзя обойтись без романа раннего периода «Защита Лужина», главным героем которого является гроссмейстер Александр Иванович Лужин. Можно сказать, что этот роман полностью посвящен шахматной тематике. Отдельной книгой «Защита Лужина» впервые вышла в берлинском издательстве «Слово» в 1930 году. А спустя 34 года роман вышел в английском переводе,¹⁾ снабженном предисловием, в котором Набоков упомянул о некоторых литературных приемах, связанных с шахматами.

«My story was difficult to compose, but I greatly enjoyed taking advantage of this or that image and scene to introduce a fatal pattern into Luzhin's life and to endow the description of a garden, a journey, a sequence of humdrum events, with the semblance of a game of skill, and, especially in the final chapters, with that of a regular chess attack demolishing the innermost elements of the poor fellow's sanity».²⁾

Эта цитата в русском переводе звучит так: —

«Сочинять книгу было нелегко, но мне доставляло большое удовольствие пользоваться теми или другими образами и положениями, дабы вести роковое предначертание в жизнь Лужина и придать описанию сада, поездки, череды обиходных событий, подобие тонко-замысловатой игры, а в конечных главах — настоящей шахматной атаки, разрушающей до основания душевное здоровье моего бедного героя».³⁾

Внимательно прочитав роман, мы сразу заметим, что в «Защите Лужина» употребляются очень многие шахматные термины, и такие литературные приемы, как аллегория, метафора, аналогия, биографические элементы, каламбур, которые ассоциируются с шахматными техниками.

Конкретные набоковские приемы мы будем рассматривать позже. Сейчас я хочу обратить внимание на его шахматные стихотворения 20-х годов.

II

Набоков сочинял не только шахматные романы, но и такие стихотворения по шахматным мотивам, как «Три шахматных сонета» (1924) и «Шахматный конь» (1927).

Кстати, я в прошлом году написал статью на английском языке, которая называется «Vladimir Nabokov's Early Works and Chess». В этой статье я анализировал размер и ритм «Шахматного коня», а теперь мы рассмотрим «Три шахматных сонета». Это стихотворение впервые было опубликовано в «Нашем мире» (1924, №. 37), в воскресном приложении к берлинской эмигрантской газете «Руль».

Сонет — это стихотворение в 14 строк из двух четверостиший и двух трехстиший. Ниже приводится первый сонет.

«В ходах ладьи — ямбический размер,
в ходах слона — анапест. Полутанец,
полурасчет — вот шахматы. От пьяниц
в кофейне шум, от дыма воздух сер.

Там Филидор сражался и Дюсер.
Теперь сидят — бровастый, злой испанец
и гном в очках. Ложится странный глянec
на жилы рук, а взгляд — как у химер.

Вперед ладья прошла стопами ямба.
 Потом опять — раздумие. „Карамба,
 сдавайтесь же!“ Но медлит тихий гном.

И вот толкнул ногтями цвета йода
 фигуру. Так! Он жертвует слон^{ом}:
 волшебный шах, и мат в четыре хода⁵⁾.

Это стихотворение было написано Набоковым не позднее декабря 1924 года. Здесь Набоков упомянул о Филидоре и Дюсере. Что это за персонажи? Франсуа Андре Филидор (1726–1795) является одним из создателей французской комической оперы, одновременно сильнейшим шахматистом второй половины 18-го века. Кроме того, Филидор современным шахматистам хорошо известен как автор книги «Анализ шахматной игры» (*L'analyse du jeu des Échecs*, 1749, 1777). А Дюсер — это один из шахматистов, посетителей парижского кафе «Режанс», где часто играл Филидор.

Чтобы разобраться в шахматной технике Филидора, надо посмотреть его партии. До сих пор сохранены 79 партий, которые сыграл Филидор. Из них самая популярная партия, кажется, следующая. Мы можем найти ее в новейшей шахматной базе данных «ChessBase 9.0» (Hamburg, 2004). Филидор играет черными.

White: Von Bruehl, Hans Moritz — **Black:** Philidor, François—
 André Danican (London, 1783)

1. e4 e5 2. Cc4 c6 3. Фe2

То есть дебют слона! Этот дебют встречается еще в трактате Люсены (15-й век). Большой популярностью начало пользовалось в средние века, его высоко оценивал сам Филидор. Дебют слона

современной практике встречается очень редко, так как нынешние шахматисты считают, что черные могут легко уравнивать игру. 3-й ход белых Фe2 неплохой, но правильный ход по указанию дебюта — d4 или Kf3 .

3. ...d6 4. c3 f5 5. d3 Kf6 6. ef C:f5 7. d4 e4 8. Cg5 d5
9. Cb3 Cd6 10. Kd2 Kbd7

Нельзя считать 10-й ход черных Kbd7 плохим, но в этой ситуации лучше сделать короткую рокировку 0-0.

11. h3 h6 12. Ce3 Фе7 13. f4 h5?

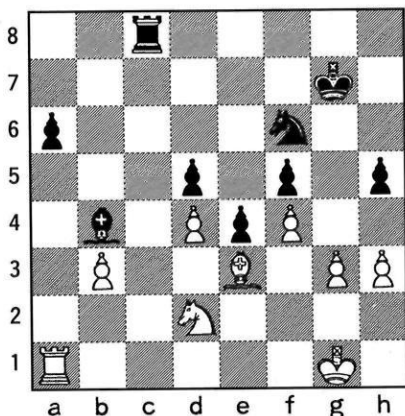
Трудно понять смысл хода h5. Естественный ход ef, наверное, лучше.

14. c4 a6 15. cd cd 16. Фf2 0-0 17. Ке2 b5 18. 0-0 Kb6
19. Kg3 g6 20. Лac1 Kc4 21. К:f5 gf 22. Фg3+Фg7 23. Ф:g7+?

Размен ферзей, очевидно, для белых невыгоден. Нужно отказаться от размена. Фf2 — правильный ход.

23. ...Кр:g7 24. С:c4 bc 25. g3 Лab8 26. b3 Ca3 27. Лc2 cb
28. ab Лbc8 29. Л:c8 Л:c8 30. Ла1 Cb4

В общем сложная игра. Но все-таки позиционный перевес существует на стороне черных, хотя он минимален.

31. Л:а6 Лс3 32. Крf2 Лd3 33. Ла2 С:d2 34. Л:d2 Л:b3
35. Лс2 h4?

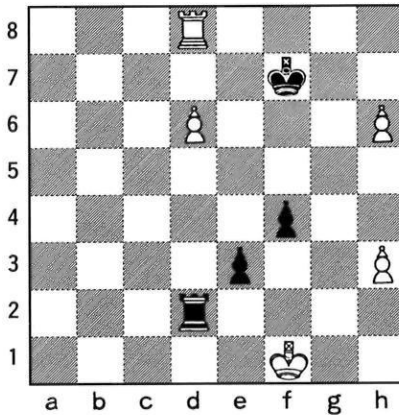
Трудно понять смысл хода h4. Из-за этого хода черные потеряли преимущество. Надо было сделать ход Ке8, чтобы защитить пункт с7.

36. Лс7+ Крg6 37. gh Кh5 38. Лd7 К:f4?

38-й ход черных К:f4 — очень интересен, но Лb5, наверное, лучше. Ведь надо защитить пешку на поле d5.

39. С:f4 Лf3+ 40. Крg2 Л:f4 41. Л:d5 Лf3 42. Лd8 Лd3
43. d5 f4 44. d6 Лd2+ 45. Крf1 Крf7 46. h5 e3 47. h6??

47-й ход белых h6 — смертельная ошибка. Надо было сыграть Лd7+! Дальше будет, например, 47. ...Кре6 48. Ле7+ Крd6 49. Ле4. Игра еще продолжалась бы.

47. ...f3! Белые сдались.

После хода черных f3 у белых уже никаких шансов нет. Чтобы избежать мата, белый король должен убежать на поле g1, то есть 48. Крg1. Но дальше следует: 48. ...f2+ 49. Крg2 Лd1 50. Крf3 f1→Ф+. Игра практически закончена.

Говорят, что Филидор был настолько сильнее своих современников, что с тех пор и до конца жизни играл со всеми

только с ф⁷⁾орой.

III

Теперь посмотрим второй сонет.

«Движенья рифм и танцовщиц крылатых
есть в шахматной задаче. Посмотри:
тут белых семь, а черных только три
на световых и сумрачных квадратах.

Чернеет ферзь между коней горбатых,
и пешки в ночь впились, как янтари.
Решенья ждут и слуги, и цари
в резных венцах и высеченных латах.

Звездообразны каверзы ферзя.
Дрязнящая, узорная стезя
уводит мысль — и снова ум во мраке.

Но фея рифм — на шахматной доске
является, отблескивая в лаке,
и — легкая — взлетает на носке⁸⁾».

Нет сомнения, что здесь речь идет о шахматной композиции. Сначала проверим размер и ритм этого стихотворения. Если выразить слог под ударением знаком — и слог без ударения знаком ∪, то получится следующее.

1-я строка: ∪ — ∪ — ∪ ∪ — ∪ ∪ — ∪

2-я строка: ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪ ∪ ∪ —

3-я строка: ∪ — ∪ — ∪ — ∪ — ∪ —

4-я строка: ∪ ∪ ∪ — ∪ — ∪ ∪ ∪ — ∪

5-я строка: ◡ — ◡ — ◡ ◡ ◡ — ◡ — ◡

6-я строка: ◡ — ◡ — ◡ — ◡ ◡ ◡ —

7-я строка: ◡ — ◡ — ◡ — ◡ ◡ ◡ —

8-я строка: ◡ — ◡ — ◡ — ◡ ◡ ◡ — ◡

9-я строка: ◡ ◡ ◡ — ◡ — ◡ ◡ ◡ —

10-я строка: ◡ — ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ —

11-я строка: ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ — ◡ —

12-я строка: ◡ — ◡ — ◡ — ◡ ◡ ◡ —

13-я строка: ◡ — ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ — ◡

14-я строка: ◡ — ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ —

Что касается со 2-й строки по 14-ю, сразу заметим, что ударение лежит только на четных слогах. Это значит, что здесь мы видим чисто ямбическую стопу. Единственным исключением является 1-я строка. Обычно в слове «танцовщиц» ударение падает на второй слог, но чтобы сохранить ямб, тут нужно поставить ударение на третий слог.

А что касается рифмы, можно сказать, что в общем это стихотворение хорошо рифмовано. Посмотрим с 1-й строки по 8-ю. Рифмуются слово «крылатых» в 1-й строке и «горбатых» в 5-й. Оба имеют не только женскую рифму, но и общие слоги «-атых». Еще рифмуются слово «Посмотри» во 2-й строке, «три» в 3-й, «янтари» в 6-й и «цари» в 7-й. Все эти слова имеют мужскую рифму и общий слог «-ри». Любопытно, что даже два последних слога одинаковы во 2-й и 3-й строках (-отри), и в 6-й и 7-й (-ари). Также рифмуются слово «квадратах» в 4-й и «латах» в 8-й. Оба имеют женскую рифму и общие слоги «-атах».

Дальше посмотрим с 9-й строки по 14-ю. Рифмуются «ферзя» в 9-й строке и «стезя» в 10-й. Общий слог «-зя», и рифма мужская. Еще рифмуются «мраке» в 11-й и «лаке» в 13-й. Общие слоги «-аке», и рифма женская. Дальше рифмуются «доске» в

12-й и «носке» в 14-й. Общие слоги «-оске», и рифма мужская.

В общем и целом мы можем считать, что даже рифмуются «крылатых» в 1-й и «квадратах» в 4-й. Также «горбрых» в 5-й и «латах» в 8-й. Значит, мы видим в этом сонете все виды рифмовки. С 1-й строки по 4-ю охватная рифмовка (abba). С 5-й по 8-ю опять охватная рифмовка (abba). С 9-й по 10-ю смежная рифмовка (сс). С 11-й по 14-ю перекрестная рифмовка (dede). В итоге, мы считаем, комбинация рифм этого стихотворения следующая: abbaabbacdede. Мы можем видеть подобную комбинацию и в первом и третьем сонетах.

Сейчас цитируем последний сонет.

«Я не писал законного сонета,
хоть в тополях не спали соловьи, —
но, трогая то пешки, то лады,
придумывал задачу до рассвета.

И заключил в узор ее ответа
всю нашу ночь, все возгласы твои,
и тень ветвей, и яркие струи
текучих звезд, и мастерство поэта.

Я думаю, испанец мой, и гном,
и Филидор — в порядке кружевном
скудных фигур, играющих согласно, —

увидят все: что льется лунный свет;
что я люблю восторженно и ясно;
что на доске составил я сонет».

IV

Шахматы имеют и спортивный аспект, где игроки состязаются в владении шахматными техниками, и научный аспект, где

игроки, почти как математики, исследуют лучший ход в сложной ситуации игры. Но для Набокова шахматы — это в первую очередь искусство, подобное музыке. Набоков чувствовал красоту либо в определенных расстановках шахматных фигур, либо в комбинациях, которые употребляют выдающиеся гроссмейстеры. В разных произведениях мы часто встречаем сравнения шахмат с музыкой, которые Набоков употребляет как литературный прием. Следующая цитата из «Защиты Лужина» — хороший типичный пример, и впечатляющий.

«„Нет, нет, уже готово, — ответил скрипач, вставая. — Отличные шахматы. Вы играете?“ — „Неважно“, — сказал Лужин-старший. („Ты что же тут делаешь? Иди тоже послушать музыку...“) „Какая игра, какая игра, — сказал скрипач, бережно закрывая ящик. — Комбинации как мелодии. Я, понимаете ли, просто слышу ходы“. — „По-моему, для шахмат нужно иметь большие математические способности, — быстро сказал Лужин-старший. — У меня на этот счет... Вас ждут, маэстро“. — „Я бы лучше партишку сыграл, — засмеялся скрипач, идя к двери. — Игра богов. Бесконечные возможности¹⁰⁾“».

Когда и у кого Набоков научился играть в шахматы — это неизвестно. Но в 1917 году, то есть когда ему было 18 лет, он, видимо, начал заниматься шахматной композицией. Набоков был не только, по нашим понятиям, крепким перворазрядником в практической игре, но и страстным проблемистом. В тетради, где записаны его ранние стихи, примерно к одному стихотворению приложен один рисунок с сочиненной им шахматной задачей. В своих мемуарах *Speak, Memory* он даже кается перед многочисленными поклонниками своего литературного дарования в том, что слишком много творческих часов своей жизни отнял у сочинительства и отдал их составлению

шахматных задач. Набоков пишет следующее. Цитата из русскоязычного варианта *Speak, Memory*, то есть из «Других берегов».

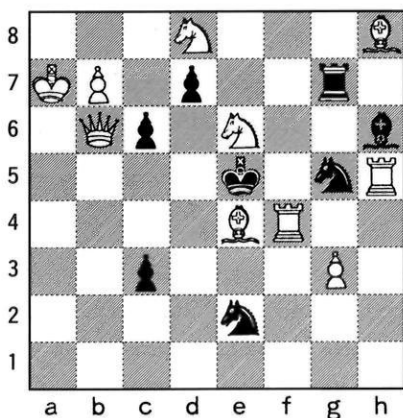
«В продолжение двадцати лет эмигрантской жизни в Европе я посвящал чудовищное количество времени составлению шахматных задач. Это сложное, восхитительное и никчемное искусство стоит особняком: с обыкновенной игрой, с борьбой на доске, оно связано только в том смысле, как, скажем, одинаковыми свойствами шара пользуется и жонглер, чтобы выработать в воздухе свой хрупкий художественный космос, и теннисист, чтобы как можно скорее и основательнее разгромить противника. Характерно, что шахматные игроки — равно простые любители и гроссмейстеры — мало интересуются этими изящными и причудливыми головоломками и, хотя чувствуют прелесть хитрой задачи, совершенно не способны задачу сочинить. <...>

Передо мной лист скверной бумаги, на котором в ту лилово-черную парижскую ночь я нарисовал диаграмму моей задачи. Белые: Король, a7; Ферзь, b6; Ладьи, f4 и h5; Слоны, e4 и h8; Кони, d8 и e6; Пешки, b7 и g3. Черные: Король, e5; Ладья, g7; Слон, h6; Кони, e2 и g5; Пешки, c3, c6, d7. Белые начинают и дают мат в два хода¹¹⁾.

Следующая диаграмма — это только что процитированная шахматная задача, которую Набоков сочинял в 1940 году в Париже.

Типичная расстановка фигур для композиции, то есть невозможная расстановка в практической игре. Если такая ситуация в практике, то черные немедленно сдались бы. Но если посмотреть эту диаграмму как композицию, как мы будем оценивать ее? Белые должны поставить мат в два хода.

По ответу первый ключевой ход белых — это Cc2. Написано,

что на любой ответ черных белые могут следующим ходом поставить мат. Например, черные возьмут конем белую ладью f4, то белые сделают ход Fd4 — мат! А если черный король убежит на d5 или d6, все равно белые поставят мат — ходом Fc5¹²⁾!

В этой задаче нет ошибки, но мы можем отметить существование другого варианта ответа. Например, продвинем вперед белую пешку на b8 и превратим в коня. Сам Набоков пишет, что на этот ход белых есть хороший ответ. Это, по его словам, «маленький, никчемный с виду, выжидательный ход в другом месте доски¹³⁾». Это ход пешкой c2. Набоков считает, что благодаря этому тихому ходу черные могут избежать мата. Но это не правда! Набоков наверняка пропустил следующий ход белых — Fc7! Замечательный шах. Черные должны продвинуть пешку на d6. Другого выхода нет. Теперь белые могут поставить мат только что превратившимся конем — Kbc6!

Однако сейчас надо вспомнить, что это задача, где нужно поставить мат в два хода. А только что указанный выше вариант ответа — мат в три хода. Поэтому нужно подчеркнуть, что цена задачи несколько не унижается, даже если существует другой вариант ответа.

V

Между прочим, у искусства шахматной композиции есть несколько школ. Об этом пишет Набоков в «Других берегах».

«Знатоки различают несколько школ задачного искусства: англо-американская сочетает чистоту конструкции с ослепительным тематическим вымыслом; сказочным чем-то поражают оригинально-уродливые трехходовки готической школы; неприятны своей пустотой и ложным лоском произведения чешских композиторов, ограничивших себя искусственными правилами; в свое время Россия изобрела гениальные этюды, ныне же прилежно занимается механическим нагромождением серых тем в порядке ударного перевыполнения бездарных заданий. Меня лично пленяли в задачах миражи и обманы, доведенные до дьявольской тонкости, и, хотя в вопросах конструкции я старался по мере возможности держаться классических правил, как, например, единство, чеканность, экономия сил, я всегда был готов пожертвовать чистотой рассудочной формы требованиям фантастического содержания»¹⁴⁾.

Пожалуй, Набоков холодно относился к советской школе. Он без симпатии пишет: «механические советские задачи, или так называемые „задания“, заменяющие художественную стратегию нагромождением разработанных до последнего изнурения тем»¹⁵⁾.

Трудно считать, что Владимир Набоков был очень способен к созданию шахматных композиций, так как в сочиненных им задачах не видно особого блеска. И, кроме того, по мнению современных проблемистов большинство набоковских задач находятся на уровне 19-го века. Но с другой стороны можно утверждать, что интерес Набокова к шахматной композиции имеет большое значение для литературного творчества в том смысле,

что без него ему не удалось бы создать уникальный своеобразный набоковский стиль. Его описания шахмат или шахматной композиции очень впечатляющие, волнующие и незабываемые.

Теперь мы посмотрим еще один пример набоковской шахматной задачи. Мы можем увидеть эту задачу в его уникальном произведении «Поэмы и проблемы» (Poems and Problems, 1970). Это задача №.18.¹⁶⁾

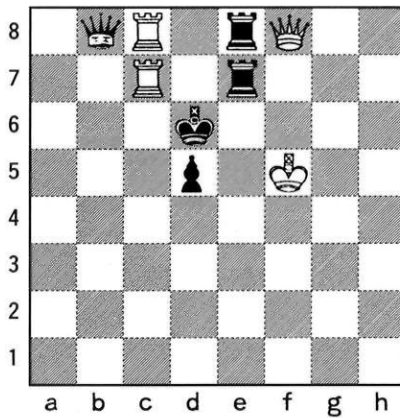

Диаграмма-А

Здесь указание следующее: «White retracts its last move and mates in one». То есть мы должны вернуть назад последний ход белых и поставить мат черному королю в один ход. Эта задача принадлежит к жанру «ретроградного анализа», о котором Набоков упоминает в предисловии к англоязычному варианту «Защиты Лужина», то есть *The Defense*.

«Весь последовательный ряд ходов в этих трех центральных главах напоминает — или должен бы напоминать — известный тип шахматной задачи, где дело не просто в том, чтобы найти мат во столько-то ходов, а в так называемом

„ретроградном анализе“, в котором от решающего задачу требуется доказать — путем обращенного вспять изучения диаграммы, — что последний ход черных не мог быть рокировкой или должен был быть взятием белой пешки „на ¹⁷⁾проходе“».

Теперь вернемся к довольно сложной набоковской задаче. Ответ следующий. Последний ход белых — это взятие коня с8 пешкой d7 и пешка превратилась в ладью. Если вернуть этот ход назад, то получим следующую диаграмму.

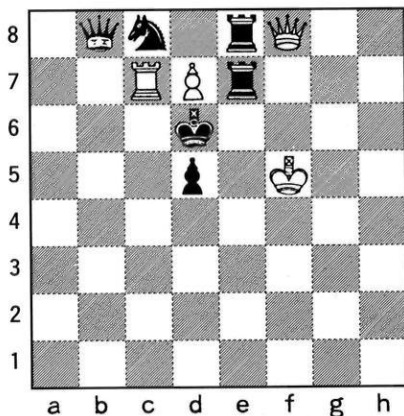

Диаграмма-В

Теперь белые должны поставить мат в один ход. Решать задачу уже нетрудно. Конечно, белая пешка d7 возьмет черную ладью с8 и превращается в коня — прекрасный мат!

Кажется, эта задача самому Набокову очень понравилась, и он упоминает о ней в предисловии к *Speak, Memory*.

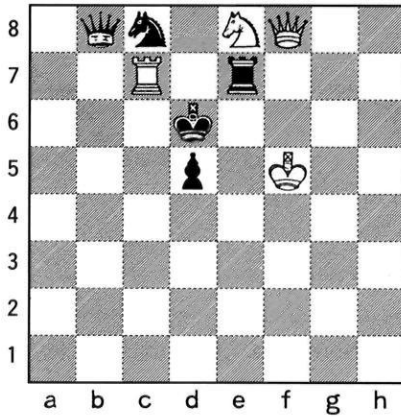

Диаграмма-С

«Однако самым забавным моим достижением является задача „Белые берут ход назад“, посвященная мною Е. А. Зноско-Боровскому, который и напечатал ее в тридцатых годах в эмигрантской газете „Последние Новости“, Париж. Я недостаточно ясно помню позицию, чтобы привести ее здесь, но, возможно, кто-нибудь из любителей „сказачных шахмат“ (к каковому типу относится эта задача) когда-нибудь отыщет ее в одной из тех благословенных библиотек, которые микрофильмируют старые газеты, что следовало бы делать со всеми воспоминаниями¹⁸⁾».

Почему Набокову так понравилась эта задача? Еще раз внимательно посмотрим диаграмму-А. Кто не может согласиться с тем, что расстановка фигур похожа на бабочку, которая раскрывает свои крылья?

Это открытие профессора Киотского Государственного Университета, господина Тадаси Вакасима. Профессор Вакасима не только специалист по американской литературе, который

переводил на японский язык *The Defense*, но и талантливый шахматный проблемист, который имеет звание международного мастера по решениям шахматных задач. Пока в Японии кроме господина Вакасима нет ни одного международного мастера в этой области.

В отношении этой задачи профессор Вакасима пишет в послесловии к своему переводу (Токио, Издательство «Кавадэ-Себо Синся», 1999, СС. 269-271), что черный ферзь на поле b8 не имеет никаких отношений к решению этой задачи. То есть если не было бы этого ферзя, все равно можно было бы решить задачу таким же образом. Это значит, что черный ферзь стоит на b8 только для того, чтобы сохранить симметричную красоту.

Теперь очень внимательно сравниваем диаграмму-А и диаграмму-С. Расстановки фигур одинаковы, просто обе ладьи стали конями, то есть белая ладья с8 превратилась в черного коня, а черная ладья с8 — в белого коня. Даже цвета поменялись в превращении. Это напоминает мимикрию бабочек. Конечно, здесь не стоит повторять, что у Набокова кроме шахмат была еще одна страсть — бабочки.

Безусловно, эта задача хорошо продумана, и она нас удивляет необычностью. Белые должны взять назад один ход. Ответ — взятие коня с8 пешкой d7. Просто гениально! На поле с8 должен стоять именно конь, никакой другой фигуры. Почему нельзя здесь стоять слону или ферзю? Потому что белая пешка d7 не может двигаться, когда действует связка. Ведь белый король стоит на f5! А почему нельзя ладье? Потому что как только белая пешка после взятия ладьи превратится в коня, черная ладья с8 сразу покушает этого коня.

VI

Теперь обратим наше внимание на «Защиту Лужина». Надо сказать, что в этом романе употребляется «ретроградный анализ», как литературный прием. Самый типичный пример мы

можем увидеть в центральных, то есть в четвертой - шестой главах. Об этом сам Набоков пишет в предисловии к *The Defense*.

«Так, к концу четвертой главы, я делаю непредвиденный ход в углу доски, за один абзац проходит шестнадцать лет, и Лужин, вдруг ставший зрелым и довольно потрепанным господином, перенесенным в немецкий курорт, является нам сидящим за садовым столиком и указывающим тростью на запомнившееся ему отельное окно, обращаясь к кому-то, кого мы встретим только в шестой главе. Тема возвращения в прошлое, начавшаяся в четвертой главе, теперь незаметно переходит в образ покойного Лужинова отца, к прошлому которого мы обращаемся в пятой главе, где он, в свою очередь, вспоминает зарю шахматной карьеры сына, стилизуя ее в уме, дабы сделать из нее чувствительную повесть для юношества. Мы переносимся назад к Кургаузу в главе шестой и застаем Лужина все еще играющим дамской сумочкой, обращаясь все к той же своей дымчатой собеседнице, которая тут же выходит из дымки, отнимает у него сумку, упоминает о смерти Лужина-старшего и становится отчетливой частью общего узора».

Нет сомнения, что Набоков писал «Защиту Лужина» по образу и подобию шахмат. Если перечитать этот роман с такой точки зрения, то можно сказать, что его первый ход необычный и неожиданный. Роман начинается так: —

«Больше всего его поразило то, что с понедельника он будет Лужиным. Его отец — настоящий Лужин, пожилой Лужин, Лужин, писавший книги, — вышел от него, улыбаясь, потирая руки, уже смазанные на ночь прозрачным английским кремом, и своей вечерней замшевой походкой вернулся к себе в спальню».

Читатели сразу могут узнать, что фамилия главного героя — это Лужин. Но в отличие от других многочисленных романов, его имя и отчество выяснятся только в конце романа. Роман кончается так: —

«Там шло какое-то торопливое приготовление: собирались, выравнились отражения окон, вся бездна распадалась на бледные и темные квадраты, и в тот миг, что Лужин разжал руки, в тот миг, что хлынул в рот стремительный ледяной воздух, он увидел, какая именно вечность угодливо и неумолимо раскинулась перед ним.

Дверь выбили. „Александр Иванович, Александр Иванович!“ — заревело несколько голосов.

Но никакого Александра Ивановича не было²¹⁾.

В восьмой главе, когда отец невесты спрашивал Лужина, как его имя-отчество, Лужин не давал прямого ответа. Вот такой разговор: —

«Он высвободил крахмальную манжету, подбоченился и продолжал: „Я, между прочим, всегда интересовался, нет ли в шахматной игре такого хода, благодаря которому всегда выиграешь. Я не знаю, понимаете ли вы меня, но я хочу сказать... простите, ваше имя-отчество?“ — „Нет, я понимаю, — сказал Лужин, прилежно пораздумав. — Мы имеем ходы тихие и ходы сильные. Сильный ход...“²²⁾».

Это, очевидно, сознательное отсутствие коммуникации автора. Еще нужно добавить, что жена Лужина всегда называет мужа по фамилии, как тургеневские девушки. Все эти детали влияют друг на друга, как комбинационные ходы шахмат.

Итак, роман кончается сомоубийством Лужина. Если упо-

требить аналогию с шахматами, Лужин сдался в собственной партии своей жизни. Когда роман заканчивается и чувствительный читатель начинает «ретроградный анализ», может быть, он подумает: «Где-то Набоков должен заранее намекать на смерть Лужина, но где?»

Да, есть место, где автор намекает на смерть героя. Это в конце тринадцатой главы. Здесь Лужин старается спрятать от жены карманные шахматы.

«В этот вечер он так и не спрятал сафьяновой книжечки, а затем решил ее не прятать вовсе, а просто отделаться от нее, но это тоже оказалось нелегко; так и осталась она у него за подкладкой, и только через несколько месяцев, когда всякая опасность давно, давно миновала, только тогда сафьяновая книжечка ²³⁾ опять нашлась, и уже темно было ее происхождение».

Наверное, многие читатели «Защиты Лужина» пропускают эту деталь. Это, по шахматам говоря, незаметный тихий позиционный ход. Это описание любопытно еще с другой точки зрения. Когда Набоков употребляет в этом романе прием «ретроградного анализа», обычно время возвращается в прошлое. А здесь наоборот. Время продвигается вперед, то есть в будущее. Можно сказать, что это хороший пример уникального набоковского стиля.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) «Защиту Лужина» переводил на английский язык Michael Scammel и сам Набоков сотрудничал с ним в переводе.
- 2) Vladimir Nabokov, *The Defense* (New York: Vintage International, 1990), p. 8.
- 3) Мельников, Н. Г. «Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе». Москва. Независимая Газета. 2002. С. 514.
- 4) Kenshin Matsumoto, *Vladimir Nabokov's Early Works and Chess* (Asia

- University, Tokyo: Journal of the Society for General Academic and Cultural Research, No. 7, 2005), pp. 77–80.
- 5) Набоков, В. В. «Круг». Ленинград. Художественная литература. 1990. С. 95.
  - 6) Эстрин, Я. В. и Калининченко, Н. М. «Шахматные дебюты. Полный курс». Москва. Фаир-пресс. 2005. С. 38.
  - 7) Каспаров, Г. К. «Мои великие предшественники: Новейшая история развития шахматной игры». Москва. Рипол классик. 2003. Т. 1. С. 14.
  - 8) Набоков, В. В. «Круг». СС. 95–96.
  - 9) Там же, С. 96.
  - 10) Набоков, В. В. «Русский период. Собрание сочинений в 5 томах». Санкт-Петербург. Симпозиум. 2001. Т. 2. С. 326.
  - 11) Набоков, В. В. «Русский период. Собрание сочинений в 5 томах». Санкт-Петербург. Симпозиум. 2000. Т. 5. СС. 319, 323–324.
  - 12) Vladimir Nabokov, *Poèmes et problèmes* (Gallimard, 1999), pp. 235, 253.
  - 13) Набоков, В. В. «Русский период. Собрание сочинений в 5 томах». Т. 5. С. 324.
  - 14) Там же, С. 320.
  - 15) Набоков, В. В. «Американский период. Собрание сочинений в 5 томах». Санкт-Петербург. Симпозиум. 1999. Т. 5. С. 567.
  - 16) Vladimir Nabokov, *Poèmes et problèmes*, p. 252.
  - 17) Мельников, Н. Г. «Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензия, эссе». С. 516.
  - 18) Набоков, В. В. «Американский период. Собрание сочинений в 5 томах». Т. 5. СС. 322–323.
  - 19) Мельников, Н. Г. «Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензия, эссе». СС. 515–516.
  - 20) Набоков, В. В. «Русский период. Собрание сочинений в 5 томах». Т. 2. С. 309.
  - 21) Там же, С. 465.
  - 22) Там же, С. 377.
  - 23) Там же, С. 442.